Публика, жующая арбузы, вздыхала: независимо от того, хотела ли она прицепиться к дракону и фениксу, внешне она ничего не получила от семьи Хэ — снялась всего в нескольких фильмах, после ухода из индустрии так и не получила шанса войти в дом, с трудом родила ребёнка, но тот оказался незаконнорожденным, без прав наследования, и в итоге её ждал печальный конец — юная красавица угасла в расцвете лет.

Насколько семья Хэ избегала Ань Сяо и Хэ Ваньчжи, Янь Жунцю тоже кое-что знал. Раньше на каждом мероприятии Хэ Ваньчжи никогда не появлялся. Хэ Минчэн тоже редко упоминал этого сына, обходил стороной, а если нельзя было избежать, говорил уклончиво. Что касается Хэ Цингэна, то тот, кто при нём затрагивал эту раздражающую тему, был подобен старику, вешающемуся — искал смерти.

Янь Жунцю поднял указательный палец, провёл по маленькому пауку, вырезанному на двери. В какой-то точке его груди словно упал маленький камешек, покатившись в неизвестную глубину, а затем донёсся слабый отголосок печали.

Он хотел этим бесполезным «талисманом» защитить душу своей матери?

Вернувшись в банкетный зал, церемония разрезания торта уже вот-вот должна была начаться. В центре, вокруг Хэ Цингэна, собрались родственники и друзья, готовясь к памятному групповому фото. Старик величественно сжимал серебряный нож для торта, на лице редкостно играла улыбка. Увидев, что Янь Жунцю и Хэ Сюнь опаздывают, морщинки у уголков его рта, казалось, стали ещё глубже, но затем снова напряглись, выражение стало серьёзным:

— Вас только и ждали. Идите, встаньте рядом со мной.

— Что вы стоите так далеко друг от друга, подвиньтесь поближе.

— Ещё ближе.

— Папа! — Шу Минь слегка кашлянула.

Фотограф скомандовал:

— Три, два, один, желаем господину счастья, глубокого как восточное море, долголетия, сравнимого с южными…

Присутствующие хором:

— …горами!

«Щёлк!» — вспышка осветила всё ослепительно белым светом.

— OK! — фотограф сделал жест, улыбаясь. — Как же хорошо, когда семья собирается вместе, у господина и правда счастливая судьба!

— Какая уж там счастливая судьба, — притворно рассердился Хэ Цингэн, взгляд упал на Хэ Сюня и Янь Жунцю. — Сплошные беспокойные головушки.

Хэ Сюнь беспомощно улыбнулся, невольно посмотрел на профиль Янь Жунцю. Тот оставался спокоен, лишь слегка кивнул ему, чуть поджав губы.

В конце концов, два семейных старейшины не первый день сводили их вместе, все уже привыкли.

Все весело и радостно принялись угощаться тортом и высокими башнями из бокалов шампанского.

Снаружи солнце клонилось к западу, небо темнело. На тротуарах резиденции «Жуйшань Юйтин» пышные камфорные деревья слегка покачивали листьями на ветру, дробя ореолы уличных фонарей, рассыпая на землю мелкие серебристые блики.

В это время Янь Жунцю ещё не вернулся, тётушки Сяо Сюй тоже не было дома, и Хэ Чжу пришлось, обняв уже изрядно вымотавшегося Янь Синьсина, сначала отправиться в своё жилище.

Телефон завибрировал.

Хэ Чжу осторожно достал телефон из кармана, боясь разбудить Янь Синьсина, который сладко спал, свернувшись калачиком у него на руках.

Это было сообщение от Хэ Минчэна, без заметки, отображался лишь холодный набор цифр.

[Это наша фотография с дня рождения дедушки. Все по тебе скучают, если есть время — заезжай домой.]

Хотел нажать «удалить», но не удержался и открыл. Свет экрана слегка озарил половину лица Хэ Чжу.

Кончиком пальца он нежно провёл по холодному и чистому лицу того человека на групповом фото, и ясный взгляд Хэ Чжу за стёклами очков тоже заполнился глубокой мрачностью.

Почему он стоит так близко к Хэ Сюню?

Стоя плечом к плечу, отгородившись от остальных, они выглядели точь-в-точь как на том фото с приглашения на свадьбу.

Глаза Хэ Чжу опустились, атмосфера вокруг него стала тяжёлой. Он больше не хотел вспоминать, что чувствовал, когда в Америке получил известие о свадьбе Хэ Сюня и Янь Жунцю.

Словно оступился и внезапно провалился в бездонную пропасть.

У него ведь не было ничего, он ничего не получил.

В конце концов, он потерял даже «маленького толстяка».

На руках тёплый и мягкий клейкий рисовый шарик пошевелился, похоже, просыпался.

— Папа…

Сонно уставившись на Хэ Чжу, он позвал его детским голоском.

Хэ Чжу потрепал мелкие кудряшки Янь Синьсина.

— Я плохой дядя, а не твой папа.

— У-у… — Янь Синьсин досадливо надул губки.

Как же он мог назвать плохого дядю «папой»?

Он знал, что он особенный. У других детей бывает двое взрослых, которые их любят, а у него всегда был только один папа.

Но его папа — лучший папа на свете, поэтому он никогда не завидовал другим детям, и в сердце у него не было печали.

Да! Наверное, он просто слишком сильно скучал по папе, поэтому и перепутал.

— Я хочу домой, — Янь Синьсин зевнул во весь рот. — Хочу к братику.

— Я договорился с твоим братиком, сначала отвезти тебя ко мне домой, немного побыть, а когда он вернётся, сразу же заберёт.

Дом плохого дядя?

Мозг Янь Синьсина заработал, и он моментально представил себе тёмную таинственную секретную базу ужасов.

С другой стороны, Янь Жунцю вежливо отказался от предложения Хэ Сюня отвезти его и, попрощавшись, поспешил на машине обратно в резиденцию «Жуйшань Юйтин».

Адрес, присланный Хэ Чжу, был недалеко от его дома, и Янь Жунцю быстро нашёл его.

Это был двухэтажный итальянский особняк, на серо-белых стенах вился зелёный плющ, сад тоже был ухожен прекрасно: буйная растительность, цветы гардении белые и ароматные, ещё росли помидоры черри, огурцы и виноград — стоило войти, как чувствовалась прохлада и обволакивал тонкий аромат.

Янь Жунцю уже протянул руку, чтобы нажать на звонок, как дверь словно по телепатии открылась. Хэ Чжу стоял в прихожей, за его спиной горел тёплый комнатный свет, делая его похожим на человека, стоящего у входа в источник света.

— Господин Янь, добрый вечер. — Хэ Чжу открыл дверь пошире. — Сяосинь как раз снова уснул, заходите, посидите немного.

— Беспокою. — Янь Жунцю последовал за ним внутрь, невольно бросив на него ещё один взгляд.

Потому что на Хэ Чжу была надета майка с мультяшным принтом, совсем не в его стиле, коллаборация одного модного бренда с «Крэйон Син-тяном». Пятилетний малыш с головой картошкой строил свою фирменную озорную ухмылку.

В доме было очень чисто и аккуратно. В отличие от всегда поддерживаемой в образцово-показательной стерильности и порядке квартиры Янь Жунцю, дом Хэ Чжу был наполнен тёплой атмосферой жизни. И цветовая гамма, и расстановка мебели — всё радовало глаз и согревало сердце. Даже освещение было тщательно настроено на мягкую яркость, подходящую для вечера, отбрасывая мелкие блики на белое пианино в углу гостиной.

— Присаживайтесь, где удобно. — С этими словами Хэ Чжу включил IMAX домашний киноэкран. — Я принесу вам чего-нибудь выпить.

Трудно было отказаться от такого гостеприимства. К гостеприимству Хэ Чжу Янь Жунцю

всегда чувствовал некоторую беспомощность, поэтому он тихо устроился на диване и стал смотреть «Крэйон Син-тяна».

Кухня была открытой, и было видно спину Хэ Чжу. Он методично хлопотал, и выглядело это так, словно он отличный хозяин, умеющий вести дом.

Прямо как Девушка-Улитка…

Навязчивые мысли Янь Жунцю прервал густой аромат, распространившийся в воздухе. Хэ Чжу подошёл с подносом, поставил перед ним чашку дымящегося молочного чая и небольшую пиалу с лапшой с яйцом и ветчиной.

— Господин Янь, пожалуйста, попробуйте, это моих рук дело.

Янь Жунцю был немного удивлён. Кроме тётушки Сяо Сюй, никто никогда не готовил для него такую домашнюю еду, даже его мама.

На лапше с яйцом и ветчиной аккуратно лежали нежные зелёные листья салата, слегка подрумяненная на сковороде ветчина и круглое яичко-глазунья — идеальное солнечное яйцо, желток расположен точно в центре белка, ровный концентрический круг.

На банкете Янь Жунцю почти ничего не ел, и теперь, поддавшись соблазну этой аппетитно выглядящей и пахнущей лапши, он действительно почувствовал голод.

Он тихо поблагодарил, взял палочками немного лапши и отправил в рот.

Было очень вкусно. Лапша была приготовлена мягко, пропиталась ароматным бульоном, тёплой волной спускаясь в желудок, уютно и сытно.

Хэ Чжу сидел напротив и наблюдал за Янь Жунцю. Ему казалось, что когда у того слегка надувались щёки, он был похож на маленького хомячка.

Вот бы всегда держать его в руках…

Чувствуя, что каждое его движение излучает милоту, Хэ Чжу испытывал глубокое удовлетворение. Казалось, ему наконец-то удалось заставить этого человека, холодного как иней и снег, вкусить мирской пищи, придать ему больше реальности и живости.

— Вкусно, спасибо за угощение. — Вежливо поблагодарив, Янь Жунцю уже хотел встать, чтобы убрать посуду, но Хэ Чжу усадил его обратно.

Высокая фигура наклонилась.

— Здесь, молочное пятнышко.

http://bllate.org/book/15591/1389711